

Курлов Павел Григорьевич

Конец русского царизма

**Воспоминания бывшего командира
Корпуса жандармов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Григорьевич К.**
Конец русского царизма: Воспоминания бывшего командира Корпуса жандармов / Курлов
Павел Григорьевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 290 с.

ISBN 978-5-519-91929-6

ISBN 978-5-519-91929-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

По моему мнению, здесь сказалась обычная несогласованность всей нашей правительственной системы и решающее влияние отдельных лиц, благодаря чему, при смене их и назначении новых, — все становится совершенно непохожим на то, что было прежде. Именно нечто подобное было и в данном случае. Начальник московской охраны С. В. Зубатов был убежденным поборником того взгляда, что правительство должно вмешиваться в рабочее движение, ибо он считал, что совместная работа с рабочими и поддержка их в экономических требованиях является лучшим способом держать все движение в своих руках. Благодаря его энергичным представлениям, на этот вопрос обратили внимание — московский генерал-губернатор, в. князь Сергей Александрович, и московский обер-полицеймейстер генерал Д. Ф. Трепов, которые сделались не только защитниками созданных в Москве рабочих организаций, но влияли даже на министерство внутренних дел и на департамент полиции, добиваясь повторения этого опыта и в других городах. Высшим моментом зубатовского успеха явилась патриотическая демонстрация многих тысяч московских рабочих перед памятником Александра II в Москве 19 февраля, в день освобождения крестьян от крепостной зависимости. Было совершенно бесполезно указывать великому князю и генералу Трепову на опасность подобных экспериментов, как я сделал это однажды, когда в заседании у генерал-губернатора должен был заменить прокурора московской судебной палаты Посникова, в качестве его товарища. Слова мои вызвали даже неудовольствие вел. князя. Для дальнейшего развития своих идей Зубатов был вызван в Петербург и назначен заведующим особым отделом департамента полиции. На этой должности он имел возможность устраи-

вать подобные организации в наиболее населенных фабричных центрах. Но эта задача значительно превзошла наши силы, ибо департамент полиции не имел для ее выполнения подходящих людей. Дело окончилось тем, что рабочие организации попали в руки революционеров и не только стали очагами пропаганды, но и инициаторами забастовок. Особенно враждебное к правительству настроение рабочих масс замечалось в Одессе, где поставленные Зубатовым вожди рабочих Шаевич и Вильбушевич организовали огромную забастовку, сопровождавшуюся насилиями толпы. Тогда министерство внутренних дел сделало вторую ошибку: с тем же легкомыслием, с каким оно раньше поддерживало эти организации, оно теперь начало их преследовать. О том, чтобы найти их недостатки и исправить их—никто не думал. Виновник всего, Зубатов, должен был уйти в отставку, и на его место стал Гапон, под руководством которого и совершилась демонстрация 9 января.

Было бы странно взваливать ответственность за 9 января на одно только министерство внутренних дел и на его неудачное вмешательство. Здесь несомненно имели большое значение старания революционеров, которые всякий успех рабочего движения изображают, как свою победу, а во всяком неуспехе, напротив, видят ухудшение положения рабочих, причем правительство всегда обвиняют в систематическом преследовании их. Вожди революционеров знали настроение нашего общества, которое готово верить всякой лжи и клевете, раз она направлена против правительства. Так, при демонстрации 9 января было убито и ранено всего 109 человек, между тем как революционные газеты сообщали о тысячах убитых и раненых. И этому верили, так как при каждой попытке опровергнуть

эти слухи, вам всегда возражали: „Что вы говорите, ведь это было напечатано в газетах“.

Говоря о подобном настроении общества, я должен коснуться следующего обстоятельства. Значительное большинство русской интеллигенции считало своей обязанностью ежедневно по утрам читать какую-нибудь либеральную газету и, узнавая из нее все новости и сплетни, составлять себе при ее помощи свои политические убеждения, так как сами они своего определенного мнения не имели.

Помимо военных и политических осложнений, 1905 год начался для царя личным тяжелым горем: 4 февраля в Москве был убит великий князь Сергей Александрович. В момент получения об этом вести я случайно находился в кабинете тогдашнего петроградского генерал-губернатора Д. Ф. Трепова, который пользовался, как известно, особым расположением покойного. Весть об убийстве великого князя глубоко потрясла Трепова, и он очень сожалел, что не мог поехать в Москву на его похороны.

Д. Ф. Трепов был человек прямой. Он не умел притворяться, когда сильные чувства овладевали им, и в данном случае прямота его выразилась в такой резкой форме, как это вряд ли когда-нибудь было в истории русской бюрократии. Вице-директор департамента полиции Н. П. Зуев рассказывал мне об этом следующее. Директор департамента полиции А. А. Лопухин, также сильно взволнованный известием об убийстве, и Н. П. Зуев совещались в своем служебном кабинете о мерах, которые необходимо было принять. К ним вскоре присоединился министр внутренних дел А. Г. Булыгин, который по своей прежней службе в Москве находился в близких отношениях к великому князю. Вдруг раздается звон шпор и в кабинет без вся-

кого предупреждения входит Трепов. Не поздоровавшись ни с кем, он обращается к Лопухину и говорит ему повышенным тоном: „Этим мы вам обязаны“. И, повернувшись, немедленно уходит, не сказав больше ни слова. Между Треповым и Лопухиным существовали постоянные трения из-за сумм, которые тратились на охрану особы великого князя Сергея Александровича, и этим, конечно, об'ясняется вышеописанная сцена.

Я в тот же вечер уехал в Моcкву и принял участие в дежурствах у гроба покойного, как бывший секретарь великой княгини в дамском комитете Красного Креста, каковой пост я занимал до моего назначения курским вице-губернатором. Великая княгиня собирала буквально по кусочкам тело убитого мужа. Смерть его произвела на нее потрясающее впечатление, которое сказалось не только в первые дни после убийства, но сохранилось на всю жизнь. Никогда я не забуду минуты, когда она, накануне похорон, часу в 3-ем ночи, зашла в церковь, где находился гроб и где я как раз в то время вместе с другими дежурил. Она двигалась, как автомат, повидимому, совершенно не сознавая окружающего. Подойдя ко гробу, она подняла крышку и начала руками поправлять и приводить в порядок тело усопшего. Мы, дежурившие у гроба, застыли и не смели шевельнуться. К великой княгине подошел ее гофмейстер Н. А. Жедринский и увел ее во внутренние покои.

Не менее трогателен и другой эпизод, относящийся к этим печальным дням, о котором рассказ мне также Жедринский. Разрывом бомбы, брошенной в Сергея Александровича, был тяжело ранен глубоко преданный ему кучер. Он вскоре умер в больнице и был погребен еще до великого князя. Рано утром Жедринскому дали знать, что великая

княгиня поехала на простом извозчике на похороны кучера. Жедринский поспешил в больницу, но встретил уже по дороге гроб с останками, а за гробом медленно шла великая княгиня, не обращавшая, повидимому, никакого внимания на окружающих. Жедринский не посмел беспокоить ее и молча присоединился к процессии. Пешком дошла Елизавета Федоровна до кладбища, стоя прослушала панихиду и затем сопровождала гроб на кладбище до могилы. Потом она пошла к выходу, совершенно не замечая, что идет по глубокому снегу. Жедринский поспешил к ней и усадил ее в экипаж. Все, кто видел великую княгиню и имел случай говорить с ней, знали любезность, с которой она обращалась со всеми, особенно с близко стоящими к ней лицами. Особенным расположением ее пользовался гофмейстер Жедринский. „Великая княгиня, повидимому, меня не узнала—рассказывал он—она только кивнула головой, когда я усаживал ее в экипаж“.

Этим нервным расстройством и нужно, повидимому, объяснить то, что она посетила в тюрьме убийцу своего мужа, террориста Каляева.

Она говорила с ним из чувства всепрощающей христианской любви и оставила в его камере небольшой образок. Посещение это глубоко поразило Каляева, как это видно из написанного им к великой княгине письма, с которым я тогда же познакомился. В этом письме видна внутренняя борьба человека, который, с одной стороны, не может не признать величия души супруги своей жертвы, а с другой—желает оправдаться пред своими единомышленниками и партийными товарищами в том, что он более глубоко чувствует и что в глубине души его еще не угасли ее лучшие порывы.

ГЛАВА II.

После погребения великого князя Сергея Александровича я уехал в Курск, где замечалось в то время сильное брожение среди учащейся молодежи, особенно в землемерном училище, и где в земстве велась энергичная пропаганда так называемым третьим элементом. Последнему удалось, в конце концов, устроить уличную демонстрацию, во время которой дело дошло до столкновения с полицией. Само собой разумеется, что в революционной деятельности скоро появились неизбежные сообщения об избиениях участников этой демонстрации, причем главная роль в этом приписывалась мне, хотя меня в то время совсем не было в Курске. В действительности я имел касательство к этим, так называемым, массовым избиениям, но позднее, по возвращении из Москвы. Со мною вместе работал прокурор харьковской судебной палаты С. С. Хрулев, который лично вел расследование и сам допрашивал виновных в моем присутствии. При этом было с несомненностью установлено, что полиция в своих действиях не позволила себе никаких насилий над населением.

Крестьянские беспорядки, начавшиеся в 1904 г., в феврале 1905 года перебросились в Курскую губернию. Получив донесение о разгроме нескольких имений, курский губернатор Н. Н. Гордеев командировал меня с эскадроном Новороссийского драгунского полка в Дмитровский уезд, где впервые возникли беспорядки. По железной дороге мы ночью прибыли в г. Дмитров, откуда нам предстояло добраться верхом до мест погромов.

В этой экспедиции приняла участие и местная судебная власть в лице товарища прокурора и судебного следователя по особо важным делам. Как

бывший кавалерист, я понимал, что эскадрону при 25 градусах мороза предстояла тяжелая поездка, тем более, что я решил в тот же день прибыть на место погромов. Будучи убежден, что от других можно только тогда ожидать исполнения трудного задания, когда сам подаешь добрый пример, я велел подать мне полковую лошадь и во главе эскадрона выехал из Дмитрова. По дороге мы то и дело наталкивались на пожарища в разных местах. Мне предстояло или посетить те места, где произошли погромы, или поспешить туда, где их еще не было, дабы спасти еще не разоренные имения. Я выбрал последнее и поступил правильно, потому что, проехав еще около 20 верст, мы натолкнулись на только что разгромленное имение Шауфуса. По дороге мы проехали через сожженное имение Волкова, в котором находился прекрасный конский завод и много племенного скота. Мы видели множество трупов лошадей и коров с перерезанными жилами на ногах и распоротыми животами, из которых вывалились внутренности. Нелепая и бессмысленная жестокость...

В имении Шауфуса наши драгуны разогнали погромщиков, пытавшихся увезти на санях награбленное имущество. Я приказал арестовать 20 человек и взять их сани. Товарищ прокурора и судебный следователь, ехавшие сзади нас в экипаже, сами были свидетелями попыток увезти разграбленное. Мне оставалось еще проехать 8 верст до деревни Дубовицы, где находилась главная контора имения и конского завода барона Мейендорфа. Лошадь подо мной шаталась от усталости, но мы все-таки исполнили нашу задачу.

От деревни Дубовицы к конторе шла узкая гать. В то время, как мы с эскадроном ехали по ней, я услышал вдруг сзади крик. Подъехав к эскадрону,

я узнал, что какой-то крестьянин напал на находившегося сзади вахмистра и нанес ему колом удар по голове. Вся местность была покрыта народом, явно враждебно настроенным. Я приказал эскадрону остановиться и дать схваченному крестьянину тут же на месте, в присутствии всей толпы, 25 розог. Шум и враждебные крики моментально затихли. К подобному же приему мне пришлось прибегнуть еще только один раз, именно на другой день, в селе Добром, у одного крестьянина, который упорно отказывался вернуть награбленное имущество.

Революционная печать в течение многих лет обвиняла меня в том, что я сек сотни крестьян деревни Дубовицы и соседних сел и деревень. Даже член кадетской партии Черносвитов, который когда-то одновременно со мной был товарищем прокурора владимирского окружного суда, обвинял меня в этом с думской кафедры при обсуждении в Думе бюджета главного тюремного управления. Я кратко возразил и опроверг эти обвинения Черносвитова, и последний в ответ сказал мне смущенно: „Об этом писали и газеты“. Не могу пройти молчанием, что ни одна газета не напечатала у себя ни моих возражений, ни ответа Черносвитова. Невольно является у каждого вопрос, какая собственно связь между крестьянскими беспорядками в Курской губернии и обсуждением бюджета тюремного ведомства.

Я остановился в конторе имения, а всем волостным старшинам Дмитровского уезда приказал собраться к моему приезду во дворе Дубовицкой экономии. Между ними выделялся своим почти вызывающим видом высокий молодой крестьянин, который, как потом оказалось, был старшиной в той волости, где было сожжено Волковское и разгромлено несколько других имений. Становой пристав

доложил мне, что этот старшина не только не принимал никаких мер к защите и охране помещиков от насильственных действий крестьян, что было его прямой обязанностью, но что он, напротив, сам являлся зачинщиком и подстрекателем погромов. Я приказал снять с него цепь старшины в знак того, что смещаю его с должности, и арестовать его, так как пристав говорил мне, что имеет документы, вполне доказывающие его виновность.

Вскоре после этого мне донесли, что крестьяне нескольких сел сговорились напасть ночью на сахарный завод барона Мейендорфа, находившийся в 12-ти верстах от Дубовиц. Эскадронный командир просил меня дать лошадям немного отдохнуть, в чем я, конечно, не мог отказать ему. В полночь половина эскадрона направилась под командой штаб-ротмистра князя Гагарина к заводу и по дороге встретила около 400 повозок, ехавших на погром. Само собой разумеется, что их разогнали.

Задача моя была окончена. Из окна вагона я видел следы бывших в Орловской губернии пожаров, которые повторялись там в течение нескольких дней. Там применялась другая система борьбы, так как орловский вице-губернатор генерал Бельгард не предупреждал погромов, а раз'езжал по их следам.

Несколько дней спустя прибыли прокурор харьковской судебной палаты, члены палаты и судебные следователи для производства следствия. Так как в уезде все уже успокоилось, то я хотел уже вернуться в Курск, но получил от губернатора телеграмму с предложением оставить драгун в Дубовицах и самому отправиться в Рыльский уезд, где один сахарный завод уже был разгромлен и то же предстояло сахарному заводу Терещенко.

Командир эскадрона об'явил мне категорически, что не пустит меня одного, передал команду старшему офицеру и рано утром выехал со мной в Рыльский уезд. К вечеру мы добрались до завода Терещенко. У ворот его стояли караульные какого-то запасного пехотного полка. В конторе встретили меня исправник, командир воинской части капитан Григорьев и управляющий заводом с семьей. Все они имели испуганный вид. Исправник доложил мне, что при разгроме одного из заводов, накануне, он видел во главе крестьянских банд замаскированных людей, которые после начала погрома стали играть на рояли. Покончив с этим заводом, крестьянская ватага направилась к заводу Терещенко, и управляющий ждал разгрома именно сегодня ночью. По сведениям, полученным исправником в момент моего прибытия, крестьяне занялись по дороге грабежом усадеб и нападения их на завод можно было ожидать с часу на час. „Считаю необходимым довести до вашего сведения,—закончил исправник свой доклад,—что находящаяся здесь на заводе воинская часть в высшей степени ненадежна. Она состоит наполовину из запасных, большей частью местных рабочих, которые вчера вечером при вступлении в завод очень дружелюбно здоровались со своими бывшими товарищами“.

— Разве одесские драгуны еще не прибыли?—спросил я исправника.

Он ответил отрицательно и добавил, что ему на этот счет ничего не известно.

Капитан Григорьев представлял собою тип старого строевого офицера и не знал никаких сомнений и колебаний, когда дело касалось исполнения долга. Он подтвердил мне слова исправника о составе и настроении своих людей. На мой вопрос,